

УДК 82.0

<https://doi.org/10.36906/NVSU-2022/66>

Минкин К.С., Никитина И.Н., канд. филол. наук
Брянский государственный университет им. И.Г. Петровского,
г. Брянск, Россия

ФОЛЬКЛОР БРЯНСКОГО РЕГИОНА КАК ЭСТЕТИЧЕСКАЯ И ДУХОВНАЯ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗА В ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. Статья посвящается изучению историко-литературного процесса на Брянщине. В частности, рассматриваются страницы Древнерусской книжности, на которых представлены герои-брянцы, образы которых в дальнейшем и станут эстетической и духовной основой формирования национального идеала в русской литературе.

Ключевые слова: историко-литературный процесс; Древнерусская литература; образ; национальный герой; Брянск; литературное краеведение.

Устное народное творчество – богатейший источник изучения духовной культуры народа на разных этапах её бытования. Фольклорные жанры во всём их разнообразии – мифопоэтическое творчество, эпос, волшебные и бытовые сказки, исторические предания, баллады, обрядовая поэзия, пословицы, поговорки в многообразной иерархии классификаций «выстраивают» эволюционный ряд поступательного развития русской духовной культуры. Важно заметить, что именно на этом этапе начинает развиваться идейно-тематический комплекс русской литературы, хоть и содержание произведений в большинстве случаев сводится к бытовым условиям, сюжеты ещё примитивны и зачастую повторяют друг друга, а схожая система образов может переходить из одного жанра в другой. Однако с поразительным вдохновением передаёт народ из уст в уста задушевные истории, легенды, сказки, помогающие последующим поколениям ещё глубже познать жизнь, духовный мир человека и лучшие черты русского национального характера.

Актуальность исследования обуславливается тем, что в изучении фольклора Брянской области отсутствует систематический, комплексный подход: до сих пор чётко не обозначено какое воздействие устное народное творчество региона оказало на национальный историко-литературный процесс, поэтому данная статья – это попытка обозначить самобытность брянской литературы и оценить её вклад в развитие мира художественных произведений последующих периодов. В основу исследования положен поисковый и аналитический метод, поскольку в статье анализируются художественные тексты, собранные в ходе полевых экспедиций в регионы Брянской области и взятые из сборников материалов под редакцией В.Д. Глебова.

Фольклор Брянской земли с давних пор привлекал внимание собирателей традиционного народного наследия. Не затронутые татаро-монгольским нашествием и не охваченные наиболее жесткой помещичьей формой крепостного права, брянские земли сформировались как естественное хранилище народных бытовых традиций и народной художественной культуры, в частности литературы – здесь записано большое количество старинных народных песен, причитаний, сказок, отличающихся высокими художественными достоинствами, пословиц, поговорок, загадок, частушек, преданий и легенд, с нехарактерными для национального фольклора поэтическими чертами. Практически всё многообразие фольклорных жанров представлено на Брянщине: «Брянский фольклор имеет уникальное значение в развитии культуры России, и обусловлено это географическим положением области: Брянщина граничит с Украиной и Беларусью» [11], – и, хотя содержание произведений нашего края в целом соответствуют общенародным традициям того времени, их литературная форма имеет неповторимое своеобразие.

Миграционный характер брянского фольклора, обогащенного диалектной лексикой, делает его уникальным достоянием общероссийской культуры. Былички и бывальщины нашего края позволяют проследить связь с такими литературными шедеврами как «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Миргород» Н.В. Гоголя.

Наши предки ясно осознали необходимость целостного показа такого сложного явления как человек и создавали образы, в которых мы видим жизненность, правдивость, индивидуальность и обобщенность одновременно. Все герои фольклорных произведений нашего края оказываются причастны к духовному. Причем все реальные образы обращены к Богу, упоминая о нем даже в бытовой суете. Многочисленные присказки свидетельствуют об этом, но также эти герои оказываются причастны к иным мифологическим верованиям. Данный процесс, называясь двоеверием, объясняет многое в ментальной жизни народа и создании образов народных представителей. В народе выражения «чертовка», «дьявол», «черт тебя возьми», «бес попутал», «адова дочь» и многие другие подобного рода могут соседствовать с упоминаниями о Христе, религиозными праздниками, посещением церкви. Самое распространенное выражение, обращенное к Богу в произведениях нашего фольклора – «Слава Богу», «Боже ты мой». Они встречается в тестах постоянно: «Перестали после этого пускать ее (ведьму) на двор, а пуще того – Боже упаси! – в избу» [1, с. 195], «И слава Богу: не приведи Господи ослепнуть!» [1, с. 64], «И слава Богу! Это ведь хозяин лесной был, леший» [1, с. 89].

Мифотворчество в быличках и бывальщинах – своеобразный художественный мир. А особенность народной манеры в том, что создается своеобразная реальность через романтическую исключительность. Мы видим законченные образы персонажей и героев, источником которых является мифология нашей малой Родины. Былички и бывальщины Брянщины демонстрируют веру наших земляков в низшую мифологическую систему – злых духов. Демонология, представленная чертями, ведьмами, русалками – это традиционная основа многих фольклорных жанров нашего региона.

«Нечистый», «нечистая сила» – так постоянно называют черта и ведьму – это самые популярные персонажи Брянской демонологии: «Вот у нас раньше одна баба кошкой аль собакой скидывалась. *Нечистая* была» [1, с. 159], «Знал я тогда, от других слышал, что ночью мимо кладбища ходить нельзя. И не ходил никогда раньше. А тут как, вроде, *нечистый* толкнул» (про чёрта) [1, с. 318]. В быличках и бывальщинах Брянского края отразилась фантастическая традиция общеславянской мифологии, но в отличие от украинского фольклора, где черт представлен не однозначно с точки зрения своей, конечно же, отрицательности, «брянские черти» более страшны и злы нежели «украинские». Эти существа не имеют у нас сатирического подтекста, как в соседних украинских регионах, они имеют ужасающее описание, тогда как уже на территории, соседствующего с Брянщиной Новгород-Северского региона, встречаются бытовые, «одомашненные» описания бесов. Интересно, что в народном сознании образ черта, лукавого, зачастую исконно имел комический характер. Достаточно вспомнить русские народные бытовые сказки, где бравый солдат легко дурачит черта, выставляя его в смешном виде, а чаще глупом. При этом, речь не идет о страхе, боязни человеком черта, словно это две противоположные силы, просто живущие бок о бок.

Наблюдаем также интересный процесс дедемонизации образа черта в повести «Ночь перед Рождеством» Н.В. Гоголя, источником которой является фольклор, черт показан подчеркнuto смешно. Он обладает мордочкой, беспрестанно вертевшейся и нюхавшей все, что ни попадалось на пути. Уточнение – «мордочка оканчивалась, как у наших свиней, кругленьким пяточком» – придает ему черты домашности. Это черт, который тесно связан с национальными чертами украинского быта. Бесовское и человеческое переплетаются, что подчеркивается автором в изображениях нечисти. В повести «Ночь перед Рождеством» черт – «проворный франт с хвостом и козлиною бородою» [2, с. 160], хитрое существо, мелкий пакостник, который крадет месяц, «кривляясь и дуя, как мужик, доставший голыми руками огонь для своей люльки». Он «строит любовные куры», подъезжает «мелким бесом», ухаживает за Солохой и т.д. Подобная трактовка образа и в «Пропавшей грамоте», где «черти с собачьими мордами, на немецких ножках, вертя хвостами, увивались около ведьм, будто парни около красных девушек» [2, с. 141].

В рассказах наших земляков-респондентов совершенно иная картина – это ужас, страх, трагедия, что позволили выявить полевые исследования в Трубчевском и Суземском районах, так респондентка рассказала нам о том, как в доме её «черти поселились»: «А избавиться от них в этот день тоже просто: крестом и молитвой. Так мне бабушка говорила. Но я не пробовала – страшно. Да и зачем с чертями связываться?!», – из рассказа очевидно, что люди Брянского края остерегаются нечистой силы и связываются с ней боятся.

Образ ведьмы в брянских демонологических рассказах сложнее: оказывается, обыкновенная женщина и обыкновенная ведьма – это объективная реальность. Ведьма страшна и опасна своей многоликостью. Какие только обличия она не принимает: превращается в разные предметы и животных, но уязвима перед силою молитвы и креста. В брянских быличках особо выделяются метаморфозы ведьмы именно в домашний скот, а не диких животных, что одновременно указывает в её образе на демоническое и народное

одновременно. Чаще всего она превращается в корову, собаку, кошку и свинью: «А ведьма по ту пору перекинулась коровой» [1, с. 138], «Спрятался за кустами и увидел: ровно в 12 ночи вышла она (ведьма) из дома, воткнула нож в забор и тут же превратилась в собаку» [1, с. 145], «А тут вдруг кошкой обернулась (ведьма) и на шею ей (девочке) запрыгнула» [1, с. 145], «Обернулась она однажды свиньей и за парнем погналась» [1, с. 197]. При этом образ ведьмы далеко не однозначен в текстах произведений: его трактовка колеблется между безобидной

Народ, хоть и опасается нечистой силы, но знает, как с ней бороться: в текстах быличек как средство от неё чаще всего фигурирует христианская молитва, нож, коса («А ты, – говорит, – под дверь хлева чего-нибудь острого закопай: ножик там какой аль шило, а то – косу старенькую» [1, с. 184]), предметы обихода, например, подкова или лапоть могут выступать в качестве оберега («Вот некоторые над дверями подковы весят, а то лапоть старый аль другую какую причуду» [1, с. 45]), – и формирует устойчивое мнение о том, что наша реальная жизнь неминуемо соседствует с миром ирреальным, с которым следует считаться, но не уступать ему первенства. Так формируется устойчивая черта русского национального характера – не бояться ничего. В этом понимании наблюдаем христианско-языческий синкретизм в фольклоре Брянской области: поскольку респонденты не дифференцируют обереги по их происхождению. Главное, что волнует рассказчиков – цель: уберечь себя и семью от нечистой силы, именно поэтому находим тексты, в которых допускается комбинация атрибутики как мифологической, так и православной традиции. Например, житель города Брянска в борьбе с домовым предлагает сочетать бранную ругань и молитву: «Кто молитвами советуют, кто матерком» [1, с. 62], – а респондентка из с. Старопочепье в борьбе с нечестью допускает совмещение ругани и святой воды: «Обругать домового – это первое дело <...> Еще вот святой водой побрызгать советуют» [1, с. 80].

Ещё один жанр, бытующий на Брянщине – страдание, который «по форме тяготеет к частушке любовного содержания, однако отличается манерой исполнения: оно протяжнее и более мелодизированно» [9]. И хотя сами по себе страдания встречаются на территории всей России, в нашей области они приобрели специфические черты, что доказывают наши предыдущие исследования и анализ текстов фольклорных экспедиций: диалектный язык («Ой *залётка*, где ты *тама*//Взвейся пташкой, *ля’ти* пряма») [9], содержание брянского страданья зачастую было привязано к возрасту исполнителя: женщины преклонных лет пели об ушедшей любви, средних лет – о заигрываниях, что должно было вызвать ревность мужа, незамужние – о ещё не обретенной любви. Так в фольклоре Брянска формируется устойчивая черта женского национального образа – верной и любящей жены.

Важно заметить, что на территории Брянщины происходит активное культурологическое взаимодействие с приграничным фольклором, в частности Украинским и Белорусским, что обусловлено территориальной близостью области. Так, например, в быличках обнаруживаем нечистую силу, напоминающую духов мифологии соседних стран. Нередко образы домового, лешего и других субстанций в демонологической прозе напоминают Вия – мифологизированного персонажа украинского фольклора, в быличке о домовом находим следующее описание героя: «У глаза-то смотреть нельзя, а то свихнешься аль ослепнешь» [1,

с. 64], – подобная трактовка образа наглядно демонстрирует преемственность брянским фольклором народных традиций стран ближнего зарубежья.

Заметим, что в фольклоре Брянщины происходит и внутрижанровое взаимодействие. Наблюдаем, как демонологическая проза проникает в другие жанры сказочной прозы, в частности в предания и легенды Брянской области, на содержательном уровне произведений. Из рассказа одной респондентки узнаём: *Есть у нас тут за селом одно озеро, его Чёртовым называют. Да совсем недалёчко ёно – тако, рукой подать. Дети да и взрослые, редко к ему ходют. А купаться в том озере остерегаются. А всё потому, что чёрт тама живет.* (Прокопенко Евдокия Лаврентьевна – с. Юскова Слобода Почепского р-на; 74 г., 3 кл.). Такое взаимопроникновение не просто приводит к соединению мира реального и ирреального, а к полному размытию границ между ними, поскольку зачастую респондент уже сам не осознает, где происходит действие: например, жительница г. Карачева рассказывает следующее: *Ну, и так случилось, что умерла одна кума, а вслед за ней и обе ее дочки. Осталась вторая кума одна. Так, покойница-то чё? Являться ко второй стала. Явится и зовет ее в гости.* (Чибисова Екатерина Васильевна – г. Карачев Карачевского р-на; 68 л., 2 кл.).

Резюмируя, мы отмечаем, что литературно-краеведческие материалы не только приобщают нас к культуре и истории родного края, к миру чувств, но и позволяют по-новому осветить многие аспекты историко-литературного процесса. Литературное краеведение изучает произведения с позиции воплощения в них родной стороны художника слова или народа, воспроизводимой во всех этнографических, бытовых, исторических, культурных, географических подробностях. Литературное краеведение способствует углубленному познанию словесности нашей малой родины и помогает осознать, какой огромный вклад в развитие русской литературы внесли наши земляки.

Необходимо отметить, что особую важность приобретает исследование жизни Брянщины как творческого процесса. В последнее время ученые вводят такие понятия, как региональная, областная литература. В исследовании фольклора Брянской области с точки зрения историко-литературного процесса, идейно-тематического комплекса, формы и поэтики сделаны уже большие шаги, но ещё многое предстоит изучить в будущем.

Данное исследование – попытка обозначит некоторые аспекты в изучении литературного краеведения, наметить процесс становления регионального самосознания, так как Брянщина остаётся своеобразным культурным пространством, что диктуется не только её географическим расположением, но и культурологическим и историческим своеобразием. И, безусловно, её изучение необходимо связывать с освоением наследия русской классической литературы и национального характера.

В рамках данного исследования мы пришли к однозначному выводу: брянский фольклор наполнен необычайным народным колоритом, который, за многие столетия сумел сформировать особый эмоциональный, экспрессивный мир, в полной мере передающий духовный облик русского человека, способного в творчестве продемонстрировать не только свой талант, но и цельность, твердость, негибкость национального характера, не ведающего страха.

Литература

1. Глебов В.Д. Былички и бывальщины: Суеверные рассказы Брянского края. Орёл; Брянск, 2011. С. 45, 64, 89, 138, 145, 159, 184, 195, 198, 318.
2. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений. М.: Изд-во Акад. наук СССР, Т. 2. С. 141, 160.
3. Минкин К.С. Специфика жанра страдания на Брянщине и приграничных территориях // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2021». М.: МАКС Пресс, 2021.
4. Минкин К.С. Фольклор брянского пограничья как объект культурного пространства Российской Федерации (на примере жанра быличка) // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2020». 2-е изд. М.: МАКС Пресс, 2020.

© Минкин К.С., Никитина И.Н., 2022